

Трудно представить, что появится программа, где к власти будут относиться иронично

Светлана Сорокина, ведущая программы «Основной инстинкт»: — Есть, конечно, некоторое нарушение неких корпоративных правил, за которое и зацепились. Но я сегодня вспомнила историю трехлетней давности, когда в 2001 году нам, журналистам в нос совали конкретные нарушения, которые совершал наш менеджмент, и тогда конфликт сводился к спору хозяйствующих субъектов. А мы кричали о том, что нам казалось главным — о сужении информационного пространства, близкой цензуре, угрозе свободе слова. Леня тогда не разделял наших таких настроений и со старого НТВ через несколько дней вернулся на новое, видимо, приняв новые правила игры. Сегодня они ему стали тесны, и он их нарушил, что, наверное, дает возможность говорить о нарушении этих правил, корпоративной этики, о том, что руководство канала, наверное, имеет полное право

представлять дело так, как оно его представляет. Мне кажется, сегодня за деревьями можно не увидеть леса. Дело даже не в обстоятельствах увольнения конкретного человека, а в векторе движения. Я глубоко убеждена, что с закрытием программы Парфенова наше информационное пространство опять резко сужается. Мне трудно представить, что на каком-то еще федеральном уровне возможно в ближайшее время появление программы, где к власти будут относиться иронично и по делу, где можно будет критически отнестись к инаугурации или к посланию президента Федеральному собранию, где можно будет гипотетически увидеть то самое интервью с вдовой Яндарбиева. На мой взгляд, мои права как зрителя ущемлены.

Я понимаю и ту и другую сторону

Сергей Корзун, радиожурналист: — Сравнивать неудобно, но чаще всего в своей жизни я именно так и поступал. Есть проблема цензуры, ее рамок, и проблема обнародования слу-

жебного документа. Есть внутренние документы, которые ни одна корпорация публиковать не собирается. Если эти документы, как архивы КГБ, представляют общественный интерес, они некоторое время спустя публикуются, поскольку через 20–25 лет, в зависимости от страны и ситуации, служебные документы вообще не подлежат опубликованию. Если бы во времена моего главного редактора в «Эхе Москвы» опубликовали какие-нибудь из внутренних документов, я этому бы очень сильно не обрадовался, а генеральный директор обрадовался бы еще меньше публикации своих финансовых документов. Проблема не в том, что Парфенов вынес на обозрение журналистскую кухню, а в том, что опубликовал документ, который публикации не подлежал, и в этом смысле руководство компании НТВ я понимаю. С другой стороны, я неплохо знаю Парфенова, и он молодец, что его команда сделала такой блестящий материал. Когда я еще в начале 2000-х годов работал на «Эхе», мы «удостоились» наказания со стороны Минпечати за то, что мы выпустили в прямой эфир Масхадова в то время, когда действовал закон о чрезвычайном положении. Я могу понять и ту и другую сторону. Я желаю найти Лене хорошую работу, а моральных оценок не выношу.

ФОТО: АНДРЕЙ КОЛЯГА

→УВОЛЕН ПАРФЕНОВ

Леонид Парфенов на баррикады никого звать не стал. Что будет с закрытой программой «Намедни», он тоже толком не понимал. Программу закрыли, но все сотрудники пока числятся на работе. Посовещившись за разъяснениями в отдел кадров. На ходу заметил, что ситуация обратно уже не повернется.

Через полчаса Парфенов закрылся у себя в кабинете с ведущими «Страны и мира» Антоном Хрековым и Алексеем Пивоваровым. Дело в том, что Парфенов совмещал должности ведущего «Намедни» и руководителя «Страны и мира». Кто будет руководить вместо него и останется ли эта программа в эфире НТВ, тоже непонятно. В прошлом году уже выходило распоряжение о ее закрытии. Но решение тогда отложили, а потом про него вроде бы забыли.

За дверью приемной Леонида Парфенова пели песню «Не спешите нас хоронить...». Когда-то на этот хит группы «Чайф» на НТВ сделали клип, нарезку из событий на канале, кадров хроники. Его крутили в эфире, когда канал покидала команда Евгения Киселева. «Если Леониду Геннадьевичу нужна помощь с выносом вещей, то обращайтесь», — отрекомендовался помощнику Парфенова некий мужчина. «Думаю, что помощь нам понадобится. Уже сейчас к нам не пускают людей. Вот приехали журналисты из Би-би-си, еще разные иностранцы, стоят внизу, служба безопасности им пропуска не подписывает».

Все сотрудники «Намедни» спустились в кафе на первом этаже «Останкино» и расселись большим кругом во главе с шеф-редактором Николаем Картозией. Он непрерывно давал интервью по телефону, все вместе обсуждали планы на будущее и то, как кто узнал о случившемся. За соседним столиком сидел Савик Шустер, сочувствовал. В приемной генерального директора НТВ царил покой. Кирилл Набутов рассказывал о том, как чинить антикварную мебель. На вопрос, что он думает по поводу увольнения Парфенова, главный продюсер нахмурился и коротко ответил: «Да ничего я не думаю».

Михаил Осокин готовился к эфиру. Рассуждая о происшедшем, он заметил: «Печально. Мне очень печально то, что случилось. Говорят, что предпосылки были, что-то даже готовилось. Но я про это ничего не знаю, для меня увольнение было абсолютным сюрпризом».

В курилке на девятом этаже сотрудники НТВ активно обсуждали то, что происходит. Все гадали, куда может пойти Парфенов. «На REN TV вряд ли — рейтинг слишком маленький, может, на «Первый», они с Костей Эрнстом друзья», — рассуждали журналисты. «Одно дело — друг, другое — начальник», — заметил кто-то. «НТВ — это просто заколдованная кнопка. Тут не может быть спокойно, вечно что-то происходит. То скандал, то катаклизм», — подытожил один из сотрудников канала, затушил сигарету и отправился работать дальше.

ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ:

Последние годы Парфенов делал коммунистическое телевидение

Мнение обозревателя может не совпадать с точкой зрения редакции

Моя позиция не черно-белая и не двухсложная, она, скорее, цветная и состоит из пяти факторов.

Первое. Как и Ходорковский, Парфенов абсолютный лидер профессии, абсолютный лидер телевизионного цеха. Потому что он делал самые телевизионные с точки зрения специального мышления, особого типа видения программы. Это концептуальность каждого сюжета, это невероятная визуальная плотность, это ирония, это потрясающая картинка, это невероятная дороговизна и так далее.

Второе. Он уже давно и особенно последние два-три года делает так называемый «инфотеймент» — то есть развлекательную информацию. Каждый сюжет подается как потрясающий гламур, то есть что-то такое лакированное, что-то такое с историей, затаенное, интересное. Это «телевидение для толстых», если использовать старую лексику эпохи Маяковского. Это здорово, об этом мы мечтали, но у этого есть свои отрицательные стороны, поскольку развлечение может оказаться выше информации.

Третье. В последние годы Парфенов делал коммунистическое телевидение. Это телевидение, продолжающее традиции Гусинского. Рассказывающее о том, что мы живем в ужасно циничной, беспросветной, абсолютно классовой стране. Тем самым он как бы отвечал на ожидания всех тех, кто считает, что реформы породили ужасную жизнь. Он потрясающе монтировал Куршавель с жизнью семьи двух прапорщиков в старом «Москвиче». Он делал это с иезуитской точностью, ювелирно. Он делал то, что Гусинский и его мастера делали между 96-м и 98-м годами, когда они невероятной атаковали все виды модернизации в России — то, что делали Гайдар,

Чубайс и так далее. После его сюжета о Собчаке, как мне сказал кто-то из аналитиков, правые потеряли в Петербурге не меньше двух-трех процентов голосов. Он показывал жизнь в казино и одновременно — как курские атомщики, голодные и несчастные, шли на Москву. Зюганов должен был бы платить Парфенову огромные деньги, если бы был умным.

Четвертое. Он был исследователь ресурсов свободы в России. Он забирался в такие дали, в какие мало кто мог себе позволить. И все его передачи были опровержением тезиса, что мы живем в несвободной стране. Потому что показывать вранье президента или показывать клонированную публику Кремлевского дворца, выглядящую как толпа маленьких Путиных... Я не знаю общества хоть мало-мальски несвободного, которое могло бы позволить это делать. То есть он был первопроходцем по разметке ресурсов свободы. К сожалению, у него не было достойных оппонентов, которые показали бы, что этот «инфотеймент» — это гнилой гламур, рассчитанный на циничную жизнь богатых, и провокация сознания бедных.

Пятое. Конечно, всегда жалко, когда такое происходит не по поводу профессионального несоответствия, а по поводу политического. То есть если кто-нибудь в прямом эфире или где-то еще поспорил бы с Парфеновым и рассказал хотя бы о том, о чем я рассказывал в предыдущих четырех тезисах, то тогда он, может быть, делал бы это все аккуратнее. Общество понимало бы, какой реальный результат приносят программы подобного рода. И я уверен, что сбалансированность со всех сторон была бы большая и не привела бы к его отставке. А сегодня, когда он пони-

мает, что в достаточно свободном обществе он будет национальным героем длительное время, он, наверное, в других формах будет делать то же самое.

Что же касается вопроса «тенденция ли это?» — непонятно же, что с Ходорковским. С невероятным счастьем наши товарищи, интеллигентные люди, ожидали, что еще хотя бы пять-семь олигархов будут арестованы. Этого не произошло. За Абрамовича взяли? Да так, что он покупает один «Боинг» за другим «Челси». Покупает себе на здоровье и две недели назад здоровался с господином президентом на заседании Госсовета — хоть бы хны! На сегодняшнюю минуту, когда мы с вами разговариваем, он не арестован. Никто не арестован. Кроме Ходорковского. Может быть, это такая технология группы высших политиков, которые считают, что достаточно остротки одного, но лидера, для того, чтобы остальные платили налоги. Вы знаете, что налоговые сборы выросли невероятно после истории с Ходорковским?

Парфенов не зарвался. Мне кажется, что в последней передаче он шел к этой крайней точке. Рассказать тридцати миллионам человек, что их кумир, который на выборах получил 71% голосов, — не вполне кумир, это нормально? Это — свободная страна? Ну что могла сказать вдова Яндарбиева? Что ее мужа убили спецслужбы? Это знает весь мир. Свобода в России — это невероятно сложный феномен. Мы все живем диссидентскими мифами. Вот исчезло то любимое телевидение НТВ, так в Москве, например, рождаемость выросла. В два раза. Это комплекс факторов, но, обобщая, страна успокоилась, когда ей перестали говорить, что Чубайс пожаритель детей.